

tání a pobyt prezidentovy rodiny v Topoľčiankach a Bystričke pri Martine. Tradiční látka o dobrem panovníkovi se přenesla i na Jana a Alici Masarykovy.

Masarykovým antihrdinou je podle zjištění Z. Vanovičové Václav Havel, jehož návštěva Bystričky a činy i zevnějšek obecně jsou líčeny negativně. Protože i autorka připouští, že v období první republiky byla za pomoci tisku oficiálně a záměrně budována pozice Masaryka jako symbolu nového státu, lze předpokládat, že ani kontrastivní obraz V. Havla nemusí být jen spontánním naplněním folklorního schématu.

Zajímavě vyznívá letmé srovnání folklorních ohlasů T. G. Masaryka na Slovensku a v prostředí česko-moravském, kde narativy nekopírují starší folklorní žánry a nepodléhají v takové míře schematizaci.

Katja Michajlova (Institut folkloru Bulharské akademie věd, Sofia) se na sborníku podílí studií *Митът за слепотата във фолклорната култура на славяните*. Podle jejího zjištění se v předkřesťanské době všechny druhy tělesných defektů považovaly za znak příslušnosti k anti-světlu, sankcionující porušení norem, vinu, např. krvesmilstvo nebo obecně prvotní hřích. Tím, že se postižený nemohl účastnit materiálního zajištění kolektivu, stával se sociálně izolovaným. Oslepnutí se rovnalo smrti.

V křesťanství je tělesnému postižení přisuzován opačný význam: je to znak probouzející milosrdenství. Objevuje-li křesťanství ve slepci božího člověka, neguje tak dosavadní jednoznačnou vazbu světla a slunce. Slepectví je pak spojováno s mimořádnými schopnostmi: věštestvím, moudrostí, intuicí a vlohami uměleckými. Slepý žebrák vybízí ostatní k účasti na svém osudu a připomíná kříž jako životní úděl. Ve folkloru Slovanů jsou však zastoupeny i etiologické legendy, traktující nemoc jako projev ďábla, resp. ztráty víry v božskou sílu. Obraz tělesných neduhů a anomálií, zprostředkovaný folklorní tradicí, přispívá k porozumění celému společenství.

Ačkoli jazyk není prvořadým tématem sborníku a pojem gramatika je vztahován spíše k významové složce mýtu (podle vlastní úvahy dosadíme termín makrokompozice nebo Hausenblasův a Místríkův termín architektonika), rádi o něm referujeme; věříme, že i lingvisté v něm naleznou mnoho zajímavých podnětů tematických i metodologických.

Miloslav Vondráček

Еселевич, И. Э. — Марков, В. М.: История редуцированных гласных в русском языке. Учебное пособие по исторической фонетике русского языка. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. Ижевск, Изд-во Удмуртского университета, 1998, 77 стр. (ISBN 5-7029-011-1).

Одним из основных явлений в истории др.-русс. яз., перестроившим его звуковую систему и приблизившим ее к современному состоянию, было падение редуцированных гласных. Это процесс — свойствен всем славянам, но в разных славянских языках он шел не одновременно и привел к различным результатам. Поэтому после падения редуцированных славянские языки дальше разошлись друг с другом. В др.-русс. яз. этот процесс проходил приблизительно во второй половине XII в. В памятниках именно этого времени наблюдается много случаев написания на месте т. наз. сильных еров гласных полного образования *o* или *e* и пропуска редуцированных в слабом положении. Некоторые факты памятников др.-русс. письменности свидетельствуют о том, что утрата т. наз. слабых еров началась немного раньше.

Данная проблематика излагается в предлагаемой работе, состоящей из четырех разделов. В ее основу положена монография В. М. Маркова «К истории редуцированных гласных в русском языке» (Казань, 1964). В центре внимания находится вопрос о причинах постепенного исчезновения редуцированных гласных. К сожалению, этот вопрос в существующих пособиях по исторической фонетике русск. яз., как правило, не освещается, т. е. сущность фиксируемых изменений остается нераскрытой.

Авторы знакомят читателя со способами обозначения редуцированных гласных писцами в древнейших русских текстах. Цитируют работу А. И. Соболевского (*Лекции по истории русского языка*. Москва, 1907⁴), в которой основанием явилось утверждение, что в русск. яз. XI в. слабых редуцированных гласных уже не было.

Древнейшие русские источники не только содержат выразительные свидетельства существования глухих, но и отражают те сдвиги в их восприятии, которые характеризуют начальную стадию их падения. Вопрос о его причинах ставился в лингвистической литературе неоднократно, но сводился фактически к выяснению последовательности их устранения в слове.

Ранний период жизни славянских языков характеризуется тенденцией к увеличению звучности слога. Позднее проявляется тенденция к устранению редуцированных звуков и связанного с ней формирования закрытых слогов. На вост.-слав. почве довольно долго соблюдалась праславянская тенденция к открытости слогов, поэтому здесь еры относительно долго сохранялись: в конечном счете сильные еры вокализовались, а слабые исчезали. Однако в настоящей работе не говорится эксплицитно о том, что данный процесс представляет собой результат системных перемен, которые произошли в рамках фонологической структуры р.-др.-русск. яз. Его общая регулярность нередко нарушалась в результате различных факторов, которые описываются в настоящей работе.

Падение и вокализация еров вызвали глубокие изменения в фонологической системе славянских языков и в строении славянского слова и слога. В связи с тем нас авторы подробно знакомят с изменениями, которые протекали в др.-русск. яз.

Особым и неодинаковым оказалось развитие еров в соседстве сонорных согласных. В ряде случаев число слогов уменьшалось (ср. **mo/glъ* > *мог*, **ru/blъ* > *рубль*, **ži/zнь* > *жизнь*). С другой стороны количество слогов было вновь вторично восстановлено и, вместе с тем, было облегчено удобство произношения. Чаще это осуществлялось посредством вставки вторичного впадного (авторы употребляют термин „неорганического“) гласного (ср. **vě/trъ* > *вѣтер*, **zē/mlъ* > *земель*, **o/smъ* > *восемь*, **o/gнь* > *огонь*). В диалектах этот процесс пошел еще дальше (ср. *рубель*, *жизень*, *бойзень*).

С этим находится в тесной связи проблематика т. наз. второго полногласия. Среди историков языка наблюдаются по этому поводу большие противоречия. Авторы считают это явление для восточных славян чрезвычайно древним. Завершение его формирования совпало с периодом исчезновения редуцированных. В окончательном виде оно ограничено определенными говорами: раньше исчезали редуцированные на юге, тогда как в северных говорах они сохранялись особенно долго. В условиях южных говоров второй гласный в сочетаниях типа *tъrt* не успел развиться до обычного редуцированного звука (т. е. *търт*) и его затухание при гласном полном образовании в следующем слове (ср. *вълѣна*, *търьговати*) не могло не способствовать усилению редуцированного гласного, стоящего перед плавным. В говорах, где исконные

редуцированные гласные удерживались особенно долго (на севере и северо-западе), развившийся за плавным вставочный звук мог уравниваться со слогаобразующим глухим, подобным гласному перед плавным (ср. *вьръхъ* > *верѣх*, *стѣльбъ* > *стѣлоб*).

Далее здесь проходит еще т. наз. третье полногласие. Под этим термином понимаются сочетания *-оро-*, *-оло-*, *-ере-*, *-еле-* в положении между согласными, возникшими уже в исторический период на месте этимологических сочетаний *-ор-*, *-ол-*, *-ер-*, *-ел-* при прояснении неорганического гласного после сонорного (ср. др.-русск. *скоропѣя*; диал. *верестливый* «с мелкими камешками», *кережак* «скряга», *болован* «болван», *пелемени*, *пелемяшки* „пельмени“...). Сюда относят и образования с аналогичным классическому полногласию сингармонизмом между этимологическим и новым гласным: *баракан* «баркан», *каразаный* «вяленый», *марамыга* «насекомое». Более того, наличие в русск. яз. пар *плáмя* — *поль́мя*, *шлем* — *шелу́м* относят авторы также в круг слов с третьим полногласием. В заключении данного раздела авторы полагают, что вопрос о третьем полногласии в русск. яз. остается в настоящее время пока открытым. Требуется более тщательное изучение территории распространения этого явления, выявления круга слов, которые его развивают.

Предлагаемая работа предназначена особенно для студентов университетов в качестве учебного пособия. Поэтому теоретический материал в нем сопровождается упражнениями для самопроверки и самостоятельных наблюдений. Упражнения построены на фактах, извлеченных из др.-русских текстов.

Алеш Бранднер

Жолобов, О. Ф.: Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. Казань, «Универс», 1997, 114 стр. (ISBN 5-900044-04-1).

В др.-русск. яз. были три числа — единственное, множественное и двойственное. Наличие трех чисел было унаследовано др.-русск. яз. от праславянского, в котором это, в свою очередь, было общиндоевропейским наследством. Судьба дв. ч. была, конечно, общей для всего др.-русск. яз. как с точки зрения его территориальной распространности, так и с точки зрения его грамматической структуры: дв. ч. было утрачено во всех диалектах др.-русск. яз. и во всей его морфологической системе (остались, однако, некоторые следы в совр. русск. яз.). Утрата дв. ч. и возникновение противопоставленности лишь ед. и мн. чисел — это результат развития человеческого мышления от представления о конкретной множественности к абстрактной.

В предлагаемой книге автором изложены результаты исследования дв. ч. в др.-русск. яз., т. е. в период с XI по XIV в. Динамика дв. ч. впервые соотносится с общеславянским контекстом функционирования дуальных форм. Работа состоит из четырех глав. Первая («Типологические данные. Генетическая мотивация двойственного числа», с. 3–8) имеет характер введения. В ней объясняется, что дв. ч. на той или иной ступени исторического развития представлено в большинстве языковых семей мира и является квазиуниверсалией. Славянские языки вместе с литовским являются единственными индоевропейскими языками, где дв. ч. сохранилось